

...КОГДА В САДАХ ЛИЦЕЯ

Истоки пушкинского гения — о них в беседе с нашим корреспондентом размышляет поэтесса Майя Борисова.

Однажды Майя Борисова написала:

...Есть ценности, которым нет цены:
Клочок бумаги
с пушкинским рисунком,
Учебник первый
в первой школьной сумке
И письма не вернувшихся с войны...

Невольно вспомнил эти строки, придя к поэте в канун славного дня Лицея...

— Майя Ивановна, а ведь на календаре день, ради которого мы встретились, особенно не отмечен. День как день: октябрь, 19-е, пятница... Но вот наступит 19-е, и нас снова неминуемо повлечет в маленький уютный городок, где — «сады Лицея», где «дортуар» № 14, где все напоминает о Пушкине... Наверняка вам это чувство знакомо?

— Очень знакомо... И влечет меня, пожалуй, даже больше в парк, чем в само здание Лицея. Хотя, конечно, когда Лицей вновь после ремонта открылся, первая встреча с ним просто ошеломила: обстановка была удивительно подлинной. Но как раз из-за остроты впечатления мне вдруг стало ясно: будь здание Лицея не в Царском Селе, не среди этих парков, а, скажем, в какой-то городской обстановке, — потерялось бы три четверти того, чем был Лицей для его воспитанников, чем он стал для всей русской культуры...

Помните: «В те дни, когда в садах Лицея я безмятежно расцветал...» Не «в стенах», а именно — «в садах Лицея»... Когда Анна Ахматова представляет Пушкина, она говорит: «Смуглый отрок бродил по аллеям, у озерных грустил берегов...»

— это опять парк... А теперь давайте вспомним, как Лицей распланирован, как, например, выглядят спальни воспитанников, которые они называли «келями»: там ведь стены не доходят до потолка. Ночные беседы Пушкина и Пущина мог подслушать каждый. В библиотеке тоже не было уголка, куда можно забиться с книгой. Так же — и в актовом зале, и в классах... Вот и получается, что общение духовное, душевное, эмоциональное шло именно в парке, где все ненавязчиво, где можно и разбежаться, и уединиться.

— Как писал юный Пушкин: «В тени густой угрюмых сосен воздвигся памятник простой...». Он, известно, гордился этим Кагульским обелиском, и Чесменской колонной, тоже восславившей российское оружие, и другой колонной, Морейской, на которой значится: «...крепость Наваринская сдалась Бригадиру Ганнибалу». А ведь бригадир Иван Абрамович Ганнибал — его двоюродный дед. Рядом — Большой пруд, где с «тополом сплеталась младая ива и отразилась вся в кристале зыбких вод» — здесь, на берегу, ему, наверное, славно мечталось... Рядом — ступени Камероновой галереи: «В безмолвии огромные чертоги, на своды опершись, несутся к облакам». В такой обстановке просто трудно не писать стихи.

— Трудно не писать стихи... Там трудно не быть причастным к искусству. Там трудно быть низменным душой... Понимаете, для совершения подлости ведь тоже должны быть соответствующие условия... А когда все вокруг вызывает к какому-то благородным чувствам, к возвышенным отношениям, к воспоминаниям о славных моментах русской истории, просто к мыслям о том, как прекрасна природа, то все это вызывает чистые помыслы и «души прекрасные порывы». Если

же в тебе их все-таки не оказывается, то, во всяком случае, всю жизнь будешь знать, что в идеале человек должен быть благороден и возвышен...

— Не случайно именно здесь, именно в этом благословенном уголке, возникла «лицейская республика», «святое братство», которому Пушкин и его друзья оставались верны всю жизнь... Именно под этим небом родились блистательные традиции Лицея...

— Здесь как-то все сошлось: молодость самого Лицея и молодость его воспитанников, людей очень неординарных, их дружба, их традиции... Кстати, мне не кажется, что традиции Лицея были долговременными... Да, мы хорошо знаем мальчиков пушкинского выпуска — Пушкина, Кюхельбекера, Корсакова, Вольховского, Яковлева, Дельвига, Малиновского, Горчакова, — всех знаем! Нам известно, какими они были там, «в садах Лицея», какими стали потом... Ну, а кто знает, например, о лицейских годах мальчика Миши Салтыкова, который спустя некоторое время тоже учился в этом знаменитом заведении и позже обрел славу как писатель Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин? А уж имена и судьбы его лицейских товарищей ведомы, наверное, лишь специалистам. Другое поколение — и традиций пушкинской поры в Лицее, увы, уже нет...

А вообще традиции учебного заведения — прекрасная вещь. И, мне думается, то, что мы называем «лицейским братством», возгоралось время от времени и в иные времена, и в иных стенах. Бестужевские курсы, например... Мне в жизни несколько раз случалось встретиться с пожилыми женщинами какой-то особой интеллигентности, святого бескорыстия, подвижнического трудолюбия... О них говорили: «Ну как же — бестужевки!» Вот такая высокая корпоративность, подчеркиваю: не казистость, а именно корпоративность, объединенность людей, которая базируется на каких-то значительных принципах, важна очень, особенно для тех, кто молод. Я считаю, что просто повезло тому, чья личная, человеческая натура, в общем-то, склонная

к слабостям и компромиссам, находит себе поддержку в высоком духе корпорации. Человек понимает: я не могу сподличать, не могу поступиться принципами, изменить дружбе, потому что «у нас так не принято». Независимо, где «у нас»: на филфаке университета, в такой-то школе, в таком-то ПТУ...

— Да, корпорация лицейстов — явление удивительное, и именно Пушкину суждено было стать ее душой. Помните: «Прости! Где б ни был я: в огне ли смертной битвы, при мирных ли брегах родимого ручья, святому братству верен я!» Этот человек и в дружбе был талантлив необычайно...

— Причем талант дружбы свойствен Пушкину не только в умении проявлять подобное чувство самому, но и в богом данной счастливой способности быть этой дружбы средоточием... Задумаемся: кто был близок к юному лицейсту? В самом деле, трудно утверждать, что Пушкин дружил с Карамзиным. Ведь с одной стороны — мальчик, с другой — человек в расцвете своей социальной, литературной, возрастной завершенности. Между тем Карамзин с Пушкиным дружил. И Чаадаев, и Малиновский-старший, и Энгельгардт... Какой же это блистательный дар: обращать на себя внимание, дружбу, любовь таких разных, таких интереснейших личностей!

Святой огонь «лицейского братства» был зажжен этими мальчиками друг для друга на всю жизнь. И в радости они были рядом, и в беде. Поэтому Пушкин, рискуя своим благополучием, пишет в Сибирь узнику Пущину: «Мой первый друг, мой друг бесценный!..». Поэтому спустя годы, узнав о гибели друга, Пущин воскликнет: «Если б я был на месте Данзаса, то роковая пуля встретила бы мою грудь; я нашел бы средство сохранить поэта-товарища, достояние России...».

— Наверное, если человек посвятил себя литературному труду, то Пушкин в его жизни место занимает совсем особое. — Вся жизнь — с Пушкиным... По какому-нибудь конкретному поводу раскроешь его томик и, прочитав то, что нужно, обязательно начинаешь листать другие страницы. Если обращаешься к Пушкину, то это никогда не бывает касанием. Обязательно — погружение.

А когда мне хочется совершить шаг, которого от меня, в общем-то, никто не требует, но мне кажется: если его не совершу, буду чувствовать себя перед собой не очень честным человеком, — в таком случае я помню, что был на свете Пушкин, который никогда не поступался возможностью защитить свое мнение, своих друзей, свою честь... Ну, а говорить о литературном влиянии, пожалуй, излишне, потому что Пушкин пронизывает всю нашу культурную жизнь...

— Я знаю, что вы принимали участие во многих пушкинских праздниках — и в Михайловском, и в Москве, и на Кавказе. А в Лицее? Там читать свои стихи довольно?

— Однажды довелось. Но это было так трудно... Вспомнила, что в этих стенах смуглолицый отрок сложил строки: «Где наша роза, друзья мои? Увляла роза, дитя зари...». Причем сложил ЭТО по заданию учителя, на уроке, для школярской отметки... Вспомнила — и перехватило дыхание...

Беседу вел
Лев СИДОРОВСКИЙ.
Фото И. Носова.

Неделя, 1984, окт., № 42